

ПОПЫТКИ МОДЕРНИЗАЦИИ КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВА

В данный период, мы не раз задумываемся над вопросом: «Почему столь остро и актуально встает вопрос о родовой принадлежности кыргыза? Насколько у нас сильна этническая самоидентификация?». Возможно, наше общество нуждается найти ответы на поставленные вопросы, т.к. они являются определяющими факторами и двигателями современного развития кыргызского общества.

На протяжении последних лет мы наблюдаем как политическую, так и экономическую нестабильность развития нашего государства. Неуверенность за свое будущее, лишение элементарных материальных благ, упадок ценностей социума дает возможность каждому члену кыргызского общества с особой надеждой обратиться назад, к своим истокам, корням и традициям.

В работе исследуется процесс модернизации кыргызского общества под влиянием внешних факторов, а именно в период колонизации царской Россией. Особое внимание уделяется формированию региональной местной власти. Предполагается, что на протяжении всего исторического развития Кыргызстана трайбализм неоднократно подвергался различным модификациям, но при этом он сохранялся и приспособлялся к меняющимся социальным факторам кыргызского общества.

После гибели государства Енисейских кыргызов в X веке, кыргызы не имели своей государственности, это продолжалось вплоть до середины XIX века. Кыргызы входили в состав могущественных государств, сохранив первичные формы объединения (институты ханства, советы старейшин, курултай). Принципы колониальной политики образованных государств (Кокандское ханство, Российская империя, СССР) были приспособлены к традиционным устоям сложившегося кыргызского общества. Процесс модернизации традиционного общества проходил на фоне бесконечных войн с деспотическими режимами.

В первой половине XVIII столетия в Ферганской долине было образовано крупное государство Средней Азии - Кокандское ханство. Подчинение Кыргызстана строилось по военно-административным принципам и соответствовало восточно-деспотическим функциям. Его особенностью в деспотическом управлении подвластными колониями - являлось их территориальное разделение, не нарушая местной специфики прежнего управления. Ханские представители, в целях мирного сосуществования с представителями коренной нации, нередко зависели от воли крупных кыргызских феодалов. Сохранив местное «самоуправление» родо-племенных биев и манапов, зачастую их обязанности сводились к выполнению функций налогового аппарата. Естественно это только укрепляло их финансовое и социальное положение, утверждался авторитет верхушки кыргызского родоплеменного общества. В период существования Кокандского ханства во второй половине XVIII – 70-х годах XIX вв. развитие кыргызского общества шло по феодальному пути: ханство кое в чем ускоряло этот процесс, с одной стороны, и тормозило – с другой. Также обостренно продолжалась межплеменная вражда. Отметим, что в период существования Кокандского ханства, в Кыргызстане сохранилась родоплеменная структура кыргызского общества, но кровно-родственные связи уступили место территориально-хозяйственным.

В целом, Кокандское ханство, - как отмечает академик В.Плоских, - по отношению к Киргизии проводило политику не хозяйственной, а военной колонизации, направленной на утверждение и сохранение деспотии хана и господства феодалов [1].

В период Кокандского ханства, появляется специфический кыргызский институт высшей социальной прослойки феодалов – манапство. Манапы как высшие представители кыргызской феодальной знати, всецело руководили внутренней жизнью подчиненных им родоплеменных объединений, сосредотачивали в своих руках все управленческие и судебные функции, от имени подданных участвовали во внутривластной жизни ханства. Каждый манап опирался на свою родоплеменную группу. Не имея в своих руках ни исполнительной, ни законодательной власти, манап всегда был модератором политического процесса,

координатором дискуссий, нейтральным арбитром в спорах. Влиятельность манапов влекла за собой жесткое конкурирование. Власть манапов не передавалась по наследству. Институт манапства существовал только в северной части Кыргызстана.

Одной из реальных возможностей выхода кыргызского общества из застоя, царившего в Кокандском ханстве, стало вхождение Кыргызстана в состав России. Это стало одним из важнейших политических событий в жизни XIX в., так как этим актом был ускорен процесс экономического и культурного развития Кыргызстана, и он был избавлен от порабощения соседними феодальными государствами и от внутренних междоусобных войн.

Во второй половине XIX в. при присоединении Кыргызстана к России, был нанесен ощутимый удар по трайбализму кыргызских племен. Это было отмечено русскими исследователями в конце XIX в. Российская администрация на протяжении всего XIX в. пыталась найти организационную форму, которая могла бы облегчить управление кыргызским обществом и адаптировать его к общероссийским законам. Было введено имперское законодательство по административному преобразованию структур коренного населения. Русский царизм попытался адаптировать традиционные институты кочевников к централизованной бюрократической системе российской короны.

Царская Россия попыталась разрушить трайбализм двумя мероприятиями: первое – административно-территориальное разделение кыргызского традиционного общества, не учитывая местную специфику – родового сосуществования; второе – насильственный переход на оседлое земледелие.

Одна из попыток формализации традиционной жизни кыргызских родов, была предпринята в рамках "Временного уложения 1868 г." [2]. После присоединения к России Кыргызстан вошел в состав Туркестанского генерал-губернаторства (указ российского императора от 2 июля 1867 г.). Было образовано пять областей: Сырдарьинская, Ферганская, Самаркандская, Семиреченская и Закаспийская. Закон 1867 года об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях выработал единую для всего населения региона систему государственно-административного господства российского самодержавия. Территория Кыргызстана была раздроблена между отдельными областями Туркестанского края. Северная его часть вошла в состав Семиреченской области (Иссык-Кульский и Токмакский уезды), Таласская долина в Сырдарьинской (Аулие-Атинский уезд); южная – в Ферганскую и Самаркандскую области (Андижанский, Ошский, Наманганский, Ходжентский уезды и Памирский район). [3, с.67] Южная часть Кыргызстана и Таласская долина управлялись на основе «Положения об управлении Туркестанским краем», утвержденного 12 июня 1886 г., а северная – на основе «Степного положения об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской», утвержденного 25 марта 1891 г. [4].

Области Кыргызстана были поделены - на административные уезды, волости, административные айлы (вместо родовых объединений). Во главе областей были поставлены: военные губернаторы, уездные начальники, "волостные начальники" и старшины из кыргызской среды. Чтобы не оставлять большие роды под властью одного родоначальника, стремившегося сохранить авторитет традиционной кыргызской администрации, волости создавались, по возможности, смешанные – исключительно из разных родов [5, с.151]. Такая система управления и политическое устройство кыргызского общества, установленные во второй половине XIX в., оставались почти без изменений до Февральской революции 1917 г.

Посредством создания государственно-административной системы управления, были созданы условия для введения регулярного налогообложения кочевого населения, в результате которой обеспечивалась непрерывная связь низовых структурных звеньев кочевого социума с институтами верховной власти государства. С 1868 г. кыргызское население региона стало выплачивать единую денежную подать ("кибиточную подать") с любого вида кыргызского жилища. Можно констатировать, что в доколониальный период налоговые сборы и повинности рядовых кочевников в пользу верховной власти ханов и манапов (зякет, харадж) имели в основном добровольный характер, были социально локализованными, нерегулярными и незначительными. Теперь была установлена жесткая фискальная зависимость кочевого населения от Российской империи, что негативно сказалось на материальном благосостоянии кочевого населения.

В середине XIX в. царское правительство проводило курс на поддержание и усиление статусной роли кыргызов наследственной аристократии, руководствуясь главным образом сословными критериями. Оно стремилось усилить влияние сословия «белой кости», посредством сохранения и преумножения его привилегий в вопросах землевладения и землепользования, в сфере уплаты налогов, путем оказания финансовой поддержки, наделения социально-престижными наградами и подарками. Статья 86 «Степного» Положения гласит: «За усердную службу, а также за знание русского языка должностные лица общественного управления из туземцев могут быть награждаемы, по усмотрению генерал-губернатора, почетными халатами и денежными выдачами» [3, с.72]. В результате проводимых административно-политических мероприятий стали формироваться надгрупповые институты власти, базировавшиеся на формировании аристократического слоя управленцев.

По мере развития колониальных отношений в Кыргызстане, к концу XIX века усиливалась оппозиционность кыргызской знати против российской военно-политической экспансии, что в итоге привело царское правительство к существенной ревизии прежних политических ориентаций: от безусловного признания приоритетного социального статуса баев и манапов, к полной отмене сословных привилегий и генеалогической системы властного доминирования. Это достигалось за счет выдвижения на государственные должности тех индивидов, которые оказали наибольшие услуги российскому престолу в усмирении кочевий, в ее реформировании. С конца 1860-х годов сословные привилегии были официально отменены царским правительством. Царизм делает ставку на "демократические" группы кочевого населения. Новации российских властей совершенно не затронули систему социально-экономических отношений кочевого общества и сложившиеся у кыргызов формы собственности на землю и скот, вследствие чего сам кочевнический способ материального производства продолжал функционировать вплоть до 1917 года в практически неизменном виде. В результате административных реформ 1867-1868 гг. на территории региона, через острое соперничество, лица различной клановой принадлежности получили возможность на занятие выгодных должностных мест.

Вторая попытка преодоления трайбализма – переход на оседлость местного населения. Согласно поземельно-податной реформе 90-х гг. XIX в., проводимые после присоединения Кыргызстана к России, крестьянину предоставлялась земля. Возникли вполне оседлые поселения – «кыштаки». В северной части Кыргызстана беднейшая часть населения почти всех волостей Кыргызстана, не охваченных землеустройством, изъявила желание перейти на оседлость. Число прошений о «переходе на оседлость было довольно большим, однако они не носили массового характера» [5, с.151].

Одновременно царское правительство проводило политику по формированию вертикальной цепи исполнительных органов управления Кыргызстаном (этому способствовало отсутствие регулярной армии, полиции, чиновников, тюрем и городов). Российские администраторы приступили к формированию в середине XIX в. специальных "приказных" учреждений, стационарных укреплений внутри кыргызских кочевий. Со временем на занимаемой ими территории, возникли и развивались новые города.

Таким образом, мы можем отметить, что бюрократическая государственно-административная система управления, внедренная колониальными органами, фактически была трансформирована и адаптирована к традиционным институтам социального регулирования кочевников. Произошел своеобразный симбиоз традиционной кочевой и российской колониальной систем политического управления, сращивание двух разнородных политических культур. Верхние и средние уровни управленческой иерархии функционировали здесь по принципам русского колониализма, а нижние звенья, выступавшие носителями традиционных генеалогических представлений о структурной организации социума, продолжали функционировать в соответствии с характерными для данной политической культуры принципами. Царские власти после присоединения кыргызских племен к России, предприняли попытку заменить родовые объединения на волости и айлы и перевести кочевое кыргызское население на оседлость, но не добились в этом существенных результатов.

Сильная живучесть и устойчивость клановой традиции и присущей этой политической культуре системы ценностных ориентаций и психологических установок обеспечивалось

самим кочевым способом производства кыргызов, являясь его неотъемлемым атрибутом. Попытки царского правительства добраться посредством многоступенчатой управленческой вертикали до каждого индивида и осуществить органичное включение кочевников в социальный организм оседлого населения Российской империи не увенчались ощутимыми успехами, т.к. кочевник по-прежнему ассоциировал себя с той или иной родоплеменной группой.

Изначально, в процессе своего исторического развития, кыргызский народ вел кочевой образ жизни. Правильно отметил видный казахский ученый, д.и.н. Н.Масанов, что они имели профессию «номада». Ареал обитания кочевника определялось экологическими факторами – наличием кормовых и водных ресурсов. Здесь кочевой образ жизни подразумевал минимальный уровень политической централизации с преобладанием центробежных тенденций. А. Масанов такой принцип кочевого сосуществования назвал родовым индивидуализмом. [6] Русский царизм попытался модифицировать родовой индивидуализм кочевника посредством реформ, что в итоге они оказались малопродуктивными. Традиционная родоплеменная организация кыргызов довольно успешно адаптировала эти новации. Родоплеменная организация наглядно продемонстрировала свою исключительную устойчивость и способность к самовоспроизведению в течении последующих нескольких десятилетий. В отличие от советской власти, русский царизм, на протяжении двухсот лет, пытался постепенно взять кочевников под свой контроль: им ограничивали территорию кочевания, их приписывали к округам, волостям и уездам, заставляли платить налоги, но не переводили насильственно на оседлость и не отнимали скот. Более того, при советской власти, процесс оседания завершился огромной трагедией для кыргызского населения.

Следует признать, что правовые традиции и обычаи не являются чем-то сформировавшимся прежде и застывшим. Наоборот, как динамичные и адаптивные системы они постоянно трансформируются, находясь в сложном взаимодействии с различными социальными процессами. Трайбализм является живым организмом, претерпевающим развитие и приспособление к меняющимся социальным факторам, будь то политические, демографические, экономические условия. Он основан на приоритетности этнических и родоплеменных отношений. Система обречена на постепенное отмирание, но в то же время остается чрезвычайно живучей. Еще не одно поколение будет воспроизводить ее в жизни и политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. – Фрунзе, 1977.- С.324.
2. Умбеталиева Т. Трайбализм в Казахстане. Родоплеменная дифференциация - основа политической системы.13:52 03.01.2003. Источник - [КИСИ
http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120](http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120)
3. Джуманалиев А. Политическая история Кыргызстана (Становление политической системы кыргызского общества в 1920-1930-е годы). – 2-е изд. испр. – Бишкек, 2005.
4. Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). – Алма-Ата: АН Каз.ССР, 1960. – Т.1. - С. 352-353, 387.
5. Джунушалиев Дж., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана//Центральная Азия и Кавказ.-2000.- №3(9).
6. Масанов Н. Реноме кочевников. Две профессии.// Мир Евразии. - N 9 (34). - 2006.